

СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ПРОЦЕССЕ ОТОБРАЖЕНИЯ ОБЪЕКТИВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Д.Р. Халикова

В статье рассматривается проблема соотношения языковой и концептуальной моделей мира в процессе моделирования объективной действительности. Проанализированы научные обоснования взаимосвязи языковой и концептуальной картин мира, выделяются и характеризуются основные содержательные элементы сравниваемых картин мира. На основе проведенного исследования, автором сделан вывод о необходимости дальнейшего лингвистического исследования языковой картины мира с опорой на логический, философский аспекты изучения проблемы.

Ключевые слова: язык, мышление, языковая система, лингвистическое исследование, языковая картина мира, концептуальная картина мира, лексическая система, семантическое поле, лингвоспецифический концепт, языковая ментальность, речевая ментальность.

Исходя из тезиса о взаимосвязи языка и мышления, разграничивая последние как два самостоятельных феномена, каждый со своими единицами и законами их формирования и использования, различают две модели мира: концептуальную модель мира и языковую модель мира.

«В сложном процессе моделирования объективной действительности в сознании номинатора переплетаются две ее картины – концептуальная (логическая) и словесная (языковая). Концептуальная модель мира является инвариантом для всех людей и не зависит от языка, на котором люди мыслят и общаются. Языковая модель варьирует от языка к языку», – пишет Г.А. Брутян [3, с. 235]. При этом Г.А. Брутян высказывает очень важную

мысль о том, что «через вербальные образы и языковые модели происходит дополнительное видение мира. Эти модели выступают как побочный источник познания, осмысления реальности и дополняют нашу общую картину знаний, корректируют ее» [3, с. 228]. Говоря о соотношении и различии двух моделей мира, Г.А. Брутян делает следующие выводы: основное содержание языковой модели мира покрывает все содержание концептуальной модели, при этом утверждается, что концептуальная модель мира – феномен более сложный, чем языковая модель.

Концептуальная картина мира проецируется на лексическую систему, определяя языковую картину мира. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, связь языковой картины мира с концептуальной осуществляется именно через посредство слова [8, с. 52].

Приблизительный ответ на вопрос о составляющих языковой и концептуальной моделей мира дает Ю.Н. Караулов: «И та и другая модель восходит к одному источнику, складываясь из структуры словаря, увязанной с ней и растворенной в ней грамматики и идеологии, помогающей установить зависимость между разрозненными элементами и воссоздать целостную картину» [7, с. 274]. Основным содержательным элементом языковой модели мира, по Ю.Н. Караулову, является семантическое поле, а единицами концептуальной модели мира – константы сознания. Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, а в основе языковой модели мира лежат знания, закрепленные в семантических полях, составленных из слов и словосочетаний, по-разному структурированных в границах этого поля того или другого конкретного языка.

Между концептуальной и языковой моделями мира существуют сложные связи и отношения. Языковая картина мира представляет ту часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломляется через языковые формы.

Хотя между концептуальной и языковой картинами мира не существует однозначного соответствия, тем не менее, между ними наблюдаются самые глубокие и тесные связи.

Рассмотрим Гумбольдтовскую идею «языкового мировидения», которая получила развитие в современном неогумбольдтианстве. Согласно данной теории, каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему называет эти фрагменты мира. Своеобразие «конструируемой» картины мира заключается в том, что в ней опредмечивается индивидуальный, групповой и национальный (этнический) вербальный и невербальный опыт. Национальное своеобразие языковой картины мира рассматривается неогумбольдтианцами не как результат длительного исторического развития, а как изначально данное свойство языков. По их мнению, люди с помощью языка создают свой особый мир, отличный от того, который их окружает. Картина мира говорящего действительно существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных пред-

ставлений о них, ибо она есть «субъективный образ объективного мира». Однако не сам язык создает эту субъективную картину мира. Язык выполняет требования познавательного процесса. Он лишь влияет на специфику языковой картины мира в знаковом отражении и направляет способность специфического видения и понимания мира [11, с. 16]. В данном аспекте функционирования языковой системы можно говорить о языковой картине мира как «взятого в своей совокупности всего концептуального содержания данного языка» [13, с. 176–177], специфического отображения в языке физических и психических реалий. Еще В. Гумбольдт считал, что не только всю языковую систему этноса, но и каждую человеческую индивидуальность в аспекте ее отношения к языку... можно считать особой позицией в видении мира» [6, с. 169].

В настоящее время общепринятым является положение о том, что каждый естественный язык по-своему членит мир, имеет свой собственный способ его концептуализации. В основе каждого конкретного языка лежит особая модель, или картина мира, и говорящий обязан организовать содержание высказывания в соответствии с этой моделью. Языки различаются не только звуковыми, материальными оболочками смыслов и даже не этими смыслами как таковыми (т.е. значениями лексем и граммем), но и самим способом выделения значений, самим способом восприятия и осмысления мира [12, с. 79]. А.Д. Шмелев и Т.В. Булыгина проанализировали значительное количество русских слов, заключающих в себе лингвоспецифические концепты, а также выявили некоторые общие особенности русского языкового сознания и продемонстрировали их связь с некоторыми расхожими представлениями о «русской думе», а также с некоторыми заключениями философов и этнопсихологов [4, с. 374]. В русском языке многие понятия существуют как бы в двух ипостасях, соответствующих этим полюсам: истина и правда, добро и благо, долг и обязанность. Авторы также отмечают, что для русской языковой картины мира характерно противопоставление «возвышенного» и «приземленного», а также «внутреннего» и «внешнего» одновременно с отчетливым предпочтением первого. Этот «асимметричный дуализм» коренится в особенностях русского образа мышления и определяет черты русской культуры в целом [9, с. 76].

Таким образом, каждый народ по-своему расчленяет многообразие мира, по-своему называет фрагменты мира. При этом национальная общность людей создает для носителей языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а создает лишь «специфическую окраску» этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которая порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа [10, с. 105].

С лингвистической точки зрения, за противопоставлением языковой и концептуальной картин мира стоит проблема понятия и значения. Эта про-

блема в том или ином виде отражается во всех работах, где речь идет о языковом моделировании действительности. У Г.А. Брутяна – это различие понятия и слова: «Сердцевиной концептуальной модели мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой модели мира – это знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» [3, с. 109].

У С. Васильева указанная проблема выступает в форме различения понятия и значения: «Значение собственно и превращает систему символов в языковую систему. Поэтому естественно считать, что значение как свойство языка, а следовательно, и те компоненты, на которые мы можем его разложить, имеют языковую природу. В зависимости от функции, которую они выполняют в познании, эти компоненты выступают либо как понятия, либо как абстрактные объекты, из которых строится научная картина мира» [2, с. 47–48].

Несмотря на размытость границ между понятием и значением, принцип различения языковой и концептуальной моделей мира достаточно четкий и однозначный. Элементами или единицами языковой модели мира являются поля, имена полей, единицами концептуальной модели мира – обобщения элементов языковой модели, имена объединения полей.

Состоящая из семантических полей, языковая модель мира носит до известной степени фрагментарный, но всегда заверченный характер. Она более подвижна, чем концептуальная модель мира, непосредственно отражая постоянное изменение, перестройку, происходящие в окружающем человека мире. Концептуальная модель мира отличается большей устойчивостью и универсальностью. Для языковой модели мира характерны пробелы, «дыры», обусловленные ее фрагментарностью и неполной системностью. Эти лакуны на уровне полей и слов отчетливо обнаруживаются при сравнении с другим языком, то есть при проекции языковой модели мира на другую плоскость.

Расхождения между языковыми моделями мира внутри одной языковой общности и между языковыми моделями мира разных языков нейтрализуются в значительной степени на уровне концептуальной модели мира, что и обеспечивает взаимопонимание.

Концептуальная модель мира характеризуется большей упорядоченностью, системностью, в ней главную роль играют научные представления и идеологический момент. Именно идеология, понимаемая в широком смысле как способ упорядочения наблюдаемых отношений внешнего мира, помогает установить цепь иерархических зависимостей, – то есть определить, что ему подчинено, – между элементами и частями концептуальной модели мира [7, с. 273].

Большая специфичность языковой модели мира, ее варьируемость и по набору ядер, и по составу полей, но в то же время ее известная обусловленность, зависимость от концептуальной модели мира делают соотноше-

ния этих принадлежащих к разным уровням моделей аналогичным соотношению нормы и структуры в языкознании. Между нормой и структурой, между языковой и концептуальной моделями мира нет непреходимой границы. Они также имеют много общего. И та, и другая модель представляют собой способ существования лексики (словаря) в сознании носителя; как таковые они обладают потенциальностью, способностью развертываться во времени. И та, и другая восходят к одним и тем же источникам, складываясь из структуры словаря, связанной с ней грамматики и, наконец, идеологии, помогающей установить зависимость между разрозненными элементами и воссоздать целостную картину. Тот факт, что эта картина организована не по языковым законам, а по «законам мира», подтверждает не раз уже высказываемую в литературе точку зрения о необходимости различать «семантику отражения» и собственно «лингвистическую семантику». Сфера лингвистической семантики целиком поглощается языковой моделью мира, сфера семантики отражения относится к концептуальной модели. Вследствие поворота лингвистики к исследованию языка как формы накопления знаний и их передачи в процессе общения, которое связано с когнитивным направлением, понятие «языковая картина мира», видимо, получит в ближайшее время более определенную и реальную интерпретацию, поскольку конкретные составляющие компоненты данного феномена могут быть раскрыты только через анализ типов знаний, имеющих сложное, многоступенчатое строение и заложенных в языковых категориях.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Шк. «Язык русской культуры», 1999. – 896 с.
2. Васильев, С. Язык, значение и картина мира / С. Васильев // Изв. АН Каз. ССР, серия обществ. Наук. – 1972. – № 4. – С. 47–48.
3. Брутян, Г.А. Очерки по анализу философского знания / Г.А. Брутян. – Ереван, 1972.
4. Булыгина, Т.В. Языковая концептуализация мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Прагматика. Семантика. Лексикография. – М., 1997. – 574 с.
5. Вендина, Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (микрокосм) / Т.И. Вендина. – М., 1998.
6. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества / В. Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 37–80.
7. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.
8. Кубрякова, Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М., 1997. – 330 с.
9. Лотман, Ю.М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры / Ю.М. Лотман, Б. Успенский // Учен. зап. Тартуского ун-та. Т. 23: Литературоведение. – 1977.

10. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

11. Песина, С.А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «Тело человека»): Учебное пособие / С.А. Песина. – Магнитогорск: МГТУ, 2003. – 123 с.

12. Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О.Г. Почепцов // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110–122.

13. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1991. – 212 с.

14. Урысон, Е.В. Языковая картина мира и лексические заимствования (лексемы *округа* и *район*) / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 79–82.

15. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (в модели пространства, времени, восприятия) / Е.С. Яковлева. – М.: Изд-во «Гнозис», 1997. – 344 с.

16. Kandler G. Die Lücke im sprachlichen Weltbild. “Sprache – Schlüssel zur Welt. Festschrift für L. Weisgerber”. – Düsseldorf, 1959. – S. 264–265.

17. Thomae H. Das Individuum und seine Welt. – 2-te, völlig neu bearb. Aufl. Göttingen, 1988.

18. Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. – Düsseldorf, 1962.